

НАТАЛИЯ ИВАНОВНА ДАНИЛИНА

доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры
русского и латинского языков
Саратовский государственный медицинский университет
имени В. И. Разумовского
(Саратов, Российская Федерация)
ORCID 0000-0001-8804-2157; danilina_ni@mail.ru

РИТОРИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ НАУЧНОЙ РЕЧИ М. В. ЛОМОНОСОВА

Аннотация. Цель статьи – проанализировать, в какой мере и для решения каких задач теоретические положения, изложенные в риториках М. В. Ломоносова, реализуются в его естественно-научном дискурсе. Материал – сочинения, написанные в жанре «слово». Актуальность исследования обеспечивается текстоориентированным характером современного изучения научного дискурса, а новизна – отсутствием исследований творчества Ломоносова с данных позиций. Показано, что выбор автором жанра обусловлен экстралингвистически – речь на торжественном публичном заседании Академии наук. Риторическая организация сочинений выражена как на уровне композиции (наличие вступлений и заключений панегирического типа), так и в использовании лексических и синтаксических риторических элементов на протяжении всего текста. Основные группы риторических приемов – «украшения», «распространения», «вопрошание». Функции – собственно риторическая и контактоподдерживающая. Делается вывод, что риторическая форма подачи информации, требуемая ситуацией торжественного публичного выступления, не вступала в противоречие с серьезным содержанием и не была чужда научному дискурсу XVIII века.

Ключевые слова: М. В. Ломоносов, научный дискурс, риторика, жанр «слово», академическая речь

Для цитирования: Данилина Н. И. Риторическая организация научной речи М. В. Ломоносова // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2025. Т. 47, № 1. С. 53–58. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1128

ВВЕДЕНИЕ

Научная речь в ее текстовом проявлении является для лингвистики сравнительно новым объектом изучения, поэтому неудивительно, что внимание исследователей направлено в первую очередь на современные тексты. Однако, по нашему мнению, картина не может быть полной без изучения более ранних этапов, в частности процесса выделения собственно научных текстов из общего массива литературы и формирования жанровых границ в их современном понимании. Для русского научного языка в этом аспекте значимым представляется творчество М. В. Ломоносова, оставившего как научное, так и литературное наследие.

Содержательная сторона научного творчества М. В. Ломоносова достаточно полно исследована специалистами разных областей науки. Изучение его идиолекта начато еще в XIX веке¹ и уже много лет ведется как коллективом ИЛИ РАН, так и отдельными исследователями. Вместе с тем оно имеет преимущественно лексикографическую ориентацию, так или иначе фиксируя особенности лексикона и терминопотребления

ученого [3], [7], [9], [10], [11]. Отдельно упомянем «Риторику М. В. Ломоносова» [8], которая, являясь словарем по форме, содержит в приложении ряд статей, анализирующих творческую манеру Ломоносова-ученого. Работ, посвященных анализу других особенностей ломоносовского научного дискурса, совсем немного: [1], [6], [12]. Из научного наследия Ломоносова наиболее исследованы его филологические труды, в частности обе риторики. При этом еще в конце XX века было обращено внимание на то, что «изучение риторической практики Ломоносова – далеко не самое сильное место в ломоносоведении» [4: 88]. К сожалению, данная проблема, будучи поставлена и отчасти (в аспекте общего смысла термина *риторика* и на уровне композиции) рассмотрена историком, до сих пор не получила филологического решения, что и обуславливает актуальность предпринимаемого исследования. Действительно ли «Слова» Ломоносова, на которые ссылается Г. Гусейнов, – это искусственно навязываемый руководством Академии жанр, «смесь “панегирика” и “диссертации”» [4: 96]? Цель нашей статьи – проанализировать, в ка-

кой мере и для решения каких задач теоретические положения, изложенные в риториках Ломоносова, реализуются в его естественно-научном дискурсе. Материалом исследования выступают естественно-научные сочинения, названные автором «Слово».

ЖАНР «СЛОВО» В НАУЧНОМ ТВОРЧЕСТВЕ М. В. ЛОМОНОСОВА

Термин *слово* обозначает в риторической теории М. В. Ломоносова любой риторически организованный текст (1), не исключая и текстов на научные темы (2)². В «Кратком руководстве к риторике» Ломоносов отдельный параграф (§ 128) посвящает академическим речам, декларируя возможность риторического представления научной информации (3)³.

(1) «Красноречие есть искусство о всякой данной материи красно говорить и тем преклонять других к своему об оной мнению. Предложенная по сему искусству материя называется речь или слово» (§ 1).

(2) «...ежели кто... чем искуснее в науках, у того больше есть изобилие материи к красноречию» (§ 7).

(3) «...избрать из оной науки... некоторую трудную главу, которая еще недовольно протолкована, и, предложив в своей речи, протолковать» (с. 73).

Среди работ по физике и химии «Слов» (Oratio) всего четыре: «Слово о пользе химии»⁴ (1751), «Oratio de meteoris vi electrica ortis (Слово о явлениях воздушных, от электрической силы происходящих)»⁵ (1753), «Слово о происхождении света, новую теорию о цветах представляющее»⁶ (1756), «Слово о рождении металлов от трясения земли (Oratio de generatione metallorum a terrae motu)»⁷ (1757). Перечисленные сочинения были предназначены для выступления на ежегодных публичных собраниях Академии наук, чем и определялся выбор жанра. «Слово о пользе химии» – сочинение, скорее, научно-популярное, оно предназначено для широкой публики и не содержит того, что принято называть научной новизной; неслучайно оно было написано только на русском языке. Остальные «Слова» обладали несомненной научной ценностью для своего времени. Например, работа Ломоносова над теорией цвета началась задолго до написания «Слова о происхождении света...», и тема эта всплывает во многих его произведениях⁸. Атмосферное электричество было в тот период одним из актуальнейших направлений мировой науки, разрабатываемым многими учеными⁹. Взгляды же Ломоносова в области металлургии учеными XX века оцениваются неоднозначно¹⁰; впрочем, на момент написания «Слова» металлургия, по видимому, не составляла предмета пристального научного интереса Ломоносова¹¹. В ходе дальней-

шего изложения мы будем иллюстрировать наши наблюдения цитатами из «Слова о явлениях воздушных...», хотя все отмеченные особенности характерны и для других «Слов».

РИТОРИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ «СЛОВА О ЯВЛЕНИЯХ ВОЗДУШНЫХ...»

Скажем немного об истории создания «Слова о явлениях воздушных...». Уже на этапе его написания автор ставит перед собой цель как можно скорее обнародовать свою теорию, дабы не быть опереженным зарубежными коллегами. Именно поэтому он не соглашается ограничиться журнальной публикацией (которая потребовала бы долгого ожидания) и настаивает на изложении ее в виде речи. О принципиальной важности для Ломоносова именно научной стороны данного сочинения свидетельствует и тот факт, что написано оно было по-латински, и лишь незадолго до заседания принято решение о чтении речи на русском языке¹². Таким образом, при создании данного произведения для автора равно важны обе составляющие: научная и риторическая.

Композиция «Слова о явлениях воздушных...» полностью характерна для торжественной речи. Вступление и заключение содержат похвалы персонам, связанным с ситуацией: Петру I, как основателю Академии, и Елизавете, ко дню восшествия которой на престол приурочено заседание. Вступление, посвященное Петру I, строится по правилам хрии (§ 258), которая обрамлена обращением к слушателям и подана как пример, долженствующий возбудить чувство радости от научных изысканий, вызванное приятностью воспоминания о бедах, трудах и попечениях, сопутствовавших достигнутому благу (§ 103). Отметим, что в композиции других «Слов» панегирические фрагменты не столь значимы и выступают в заключении. Например, в «Слове о происхождении металлов...» Елизавета лишь упомянута, а заключение содержит похвалу России.

Кроме того, в соответствии с риторической установкой, и во вводной, и в научной части автор пользуется примерами из античной истории и литературы. Так, упоминая о гибели Рихмана, Ломоносов проводит сопоставление с Плинием (с. 23); говоря о неизбежности открытия тайн природы если не сейчас, то в будущем, цитирует Сенеку (с. 33); объясняя электричеством появление искр над заостренными металлическими предметами, приводит в пример копья и шлемы римских солдат (с. 57); перечисляя природные явления, объясняемые «притяжением электрической силы», ссылается на описания Плиния (с. 62).

Наличие тропов и фигур в панегирических частях «Слов» ожидаемо и уместно. Излюбленными приемами Ломоносова здесь являются повтор, синтаксический параллелизм (4, 5) и ряды однородных членов (как слов, так и словосочетаний). Последние во множестве находим и в научной части, например (15, 18, 20). Пространные периоды, организованные этими способами, подпадают под ломоносовское определение «напряжения или стечения» (§ 232). Имеются яркие примеры олицетворения (5, 6). Не менее значимы риторические вопросы (7) и восклицания (8), которые также проходят через все произведение, см. далее (21–25).

(4) «Ибо монарх, к великим делам рожденный, когда **новое** войско против неприятеля поставить, **новым** флотом занять море, **новым** величеством законов умножить правосудия святость, **новыми** стенами укрепить города, **новыми** грамотами и вольностями поощрить купечества и художеств прилежание и, **словом**, всех подданных нравы исправить и целое отечество якобы снова родить намерился, – тогда усмотрел ясно, что **ни** полков, **ни** городов надежно укрепить, **ни** кораблей построить и безопасно пустить в море, **не употребляя математики, ни** оружия, **ни** огнедышащих махин, **ни** лекарств поврежденным в сражении воинам **без физики** приготовить, **ни** законов, **ни** судов правости, **ни** честности нравов **без учения философии и красноречия** ввести, и, **словом**, **ни** во время войны государству надлежащего защищения, **ни** во время мира украшения **без вспоможения наук** приобрести невозможно» (с. 19).

(5) «Всего сего хотя немало очевидных свидетелей, здесь присутствующих, видим, но сверх оных то же **свидетельствуют** многие **машины**, неумолимою рукой августейшего художника устроенные. **Свидетельствуют** великие **корабли**, твердые **крепости** и **пристани**... **Свидетельствуют** военные и гражданские **училища**... **Свидетель** есть сия наук **Академия**...» (с. 21).

(6) «В таком состоянии утомленна и почти умерщвлена была сия лучшая часть натуральной науки» (с. 25).

(7) «В оных путешествиях было ли какое ученых людей общество, которое бы он миновал и не почтил своим присутствием? Никак!» (с. 21).

(8) «Коль великие употребил иждивения на приобретение вещей... которые к распространению наук в отечестве удобны быть казались!» (с. 21)

Обратимся к риторическим приемам, которые обнаруживаются в собственно научной части сочинений. Анализ показывает, что они используются в двух функциях: собственно риторической и метатекстовой. Первая объединяет весьма различные средства создания эмоциональности и «украшения», распределенные по всему тексту. Вторая также имеет многообразные проявления, в частности включает средства адресации и поддержания контакта со слушателями.

О важности эмоционального фона публичной речи Ломоносов пишет: «Самые лучшие

доказательства иногда столько силы не имеют, чтобы упрямого преклонить на свою сторону» (§ 94), причем особо подчеркивает, что и сам оратор искренно должен испытывать эмоции, которые желает возбудить в слушателях (§ 97).

Ведущими «страстями», красной нитью проходящими через все «Слово» и служащими в том числе когерентности текста, выступают «любопытство» (9) и «удивление». Хотя эти «страсти» и не называются в риториках, они согласуются с требованием учитывать аудиторию (§ 98), в данном случае – людей ученых, способных получать интеллектуальное удовольствие. Невозможно не заметить повышенной встречаемости лексического гнезда «дивиться» и его синонимов (10, 11), нехарактерной для других научных сочинений Ломоносова. Еще одной утоляемой в «Слове» страстью выступает страх, навеянный недавней гибелью Рихмана и преодолеваемый акцентированием пользы, которую несут научные эксперименты; в этом же русле упоминаются и наблюдения, проведенные французскими учеными в Перу.

(9) «Истолковав сии явления, уповаю, что я по возможности удовольствовал громовую теорию любопытство ваше; того ради к той части обращаюсь, в которой покушаюсь искать удобных способов к избавлению от смертоносных громовых ударов» (с. 69).

(10) «...электрической силе чудимся, которая, когда молнии сродственна быть открылась, всех удивление превысила» (с. 33).

(11) «Часто я тому дивился... <...> ... еще больше чудился и больше возымел охоты изыскивать причину толь крутой перемены. Чуднее всего быть казалось особливо, что...» (с. 35).

В целях повышения эмоциональности и соблюдения высокого стиля Ломоносов не пренебрегает «живо представленными описаниями» (§ 100) (12) и «украшениями», в частности сравнением (12, 13) и олицетворением (14, 15), особенно же активно использует «распространения» (как эпитеты (16), так и причастные обороты (17)), и «пополнения периодов» (18) (§ 48–55). Изредка встречаются и другие приемы, например «прохождение» (§ 228) (19), антитеза (20).

(12) «Сверх того, проливные дожди, которые внезапным воды падением, **наподобие разлившейся реки**, превеликие камни переворачивают, дома опровергают и во мгновение ока плодоносные поля опустошают, слышатся во время грома и молнии» (с. 55).

(13) «Наконец, в крупный дождь рассыпается и со страшным гремянием, **как многих карет, которые по вымощенной камнем улице вдруг едут**, в море проливается» (с. 63).

(14) «...**дождь** конической фигуры падением **представляет** и мелкими каплями ясно **объявляет**, что возбужденная чрез искусство электрическая сила и малей-

шие тел частицы от взаимного союза гонит и силу их вязкости слабит» (с. 67).

(15) «Но как **натура** в произвождении многообразных дел **тщива и расточительна**, а в причинах **скупа и бережлива**...» (с. 27).

(16) «...**великие** облака, на мелкие частицы в тесном положении разделенные, **ужасную** оную на себя принимают силу, **жестокие** показывают действия и **невероятными** произведениями ум возмущают...» (с. 51).

(17) «Что больше теплота здесь, нежели вверху... сие есть рассуждением исследованная, искусством изведенная и соглашением воздушных явлений утвержденная правда» (с. 37).

(18) «Сего рода частиц о великом множестве в воздухе сугубым доводом удостоверяемся. Во-первых, нечувствительное исхождение из тела паров, квашение и согниение растущих и животных по всей земли: сожжение материи **для защищения** тела нашего от стужи, **для приуготовления** пищи, **для произведения** различного множества вещей чрез искусство в жизни потребных; сверх того, **домов, сел, городов** и великих **лесов** пожары; наконец, огнедышащих гор беспреостанное курение и частое отрыгание ярого пламени коль ужасное количество жирной горючей материи по воздуху рассыпают, то удобно выразуметь можно» (с. 47).

(19) «**Миновать бы мне надлежало** солнечники, которые древних стихотворцев баснями больше славны, нежели утверждены верною историей писателей... **однако**...» (с. 27).

(20) «**Не лугов, не садов** приятностию там удерживаяся, кротостию неба долго **наслаждались**, но высоких гор каменистые верхи превышая, для измерения шара земного, много **стужи претерпели и поту пролили**» (с. 39).

Риторическая установка накладывает отпечаток и на дискурсивный аппарат текста. Конструкции логической оценки, характерные для научного стиля, приобретают у Ломоносова категоричный характер за счет выбора лексики для риторических «распространений»: **сильное доказательство, довольно явствует, по всякой справедливости, нет никакого сомнения, из неложных опытов известно** и т. п. То же иногда отмечается и для дискурсивов иных типов, например для обозначения причинно-следственных отношений: **отселе не без основания чаять можно, откуда по справедливости следует**. Заметим, что подобные экспрессивные средства исследователи считают характерными и для современной научной речи, причем даже письменной [5: 33].

В тексте присутствуют многочисленные синтаксические маркеры диалогичности, совмещающие риторическую функцию с контактоподдерживающей. Это обращения и вопросы разного типа (§ 213, 215, 216): риторические (21, 22), сопровождаемые ответами автора (23), задаваемые от лица воображаемого оппонента (24), вербализующие и устранивающие возмож-

ные сомнения (25); последние Ломоносов именует «заятием» (§ 231). Эти риторические средства также не чужды современному научному дискурсу [2].

(21) «Итак, на той ли знатной высоте, которая на 100 или 200 сажен простирается, воздух, нижнего тягостию много превосходящий, противу естественных законов удержаться может?» (с. 43).

(22) «Чем больше доказано быть может погружение верхния атмосферы в нижнюю, как сею переменою?» (с. 55).

(23) «Но сие случается летом, что же должно быть зимою? Свидетельствуют места сибирские...» (с. 41).

(24) «Здесь, уповаю, спросят, каким образом такое притягание без обыкновенного грома и молнии случается?» (с. 63).

(25) «Итак, что делать? Разве приписать молнии прескорую силу разжигать и простужать металлы в одно и то же самое мгновение ока? Но... естественные законы... нам прекословят! Того ради не положить ли, что металлы тогда без настоящего огня холодные расплываются? Но всякой справедливости!» (с. 65).

В аргументации излагаемой теории, помимо сообщения о специально проделанных экспериментах, часто используется апелляция к легко наблюдаемым явлениям и общепринятым тезисам. Идея очевидности, известности адресату в таких случаях всегда акцентирована, лексически выражена (26–29), что также способствует установлению и поддержанию контакта со слушателями. Это своего рода «похвала» слушателям, подчеркивание своего с ними «подобия», должствующее вызвать приязнь, «ибо подобные подобных и любят» (§ 109). Здесь же упомянем и прием апелляции к авторитету (30).

(26) «...**известно всем**, что в заостроватые верхи башен всего чаще молния ударяет...» (с. 77).

(27) «Что трение паров на воздухе приключиться и произвести электрическую силу может, о том **нет ни единого сомнения**» (с. 31).

(28) «Оттепелей причина из происхождения и натуры ветров, которые мягким воздухом дышат, **довольно явствует**» (с. 35).

(29) «**Со здоровым рассуждением согласно есть**, что жидкость морской воды... сохраняется для великого пространства моря...» (с. 37).

(30) «В первом месте почитаются кометы, которых... за главные тела всего света почитать больше уже **не сомневаются благорассудные философы**» (с. 91).

ВЫВОДЫ

Проанализировав научные произведения Ломоносова, написанные в жанре «слово», мы приходим к выводу, что их риторическая организация выражена не только в наличии панегирических элементов композиции, но и в использовании риторических приемов на протяжении всего текста. Наиболее активно М. В. Ломоносов

задействует синтаксические ресурсы: повторы, в том числе анафорические, ряды однородных членов, структурный параллелизм синтаксических конструкций, составляющих период, восклицания и вопросы разных типов. Из тропов встречается преимущественно олицетворение. Характерными чертами ломоносовского идиостиля выступают риторические распространения, придающие его речи категоричную тональность. Риторические средства служат в рамках тек-

ста двум основным целям: созданию эмоционального напряжения и поддержанию контакта со слушателями, что особенно важно в ситуации устной публичной речи. В целом, основываясь на текстах произведений М. В. Ломоносова, можно заключить, что риторическая форма подачи информации, требуемая ситуацией торжественного публичного выступления, не вступала в противоречие с серьезным содержанием и не была чужда научному дискурсу XVIII века.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Будилович А. Ломоносов как писатель. СПб.: Типогр. Имп. АН, 1871. 350 с.
- ² Ломоносов М. В. Краткое руководство к красноречию // Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. Т. 7. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 89–378. Далее, ссылаясь на это сочинение, будем указывать только параграфы.
- ³ Ломоносов М. В. Краткое руководство к риторике на пользу любителей сладкоречия // Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. Т. 7. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 19–80.
- ⁴ Ломоносов М. В. Слово о пользе химии // Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. Т. 2. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. С. 345–370.
- ⁵ Ломоносов М. В. Слово о явлениях воздушных, от электрической силы происходящих // Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. Т. 3. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 15–100. Далее, цитируя это сочинение, будем указывать только страницы по данному изданию.
- ⁶ Ломоносов М. В. Слово о происхождении света, новую теорию о цветах представляющее // Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. Т. 3. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 315–344.
- ⁷ Ломоносов М. В. Слово о рождении металлов от трясения земли // Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. Т. 5. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 295–348.
- ⁸ Меншуткин Б. Н. Труды М. В. Ломоносова по физике и химии. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. С. 209.
- ⁹ Там же. С. 159–190.
- ¹⁰ Там же. С. 478–479.
- ¹¹ Там же. С. 449, 453, 479.
- ¹² Там же. С. 170–172.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арискина О. Л., Дрянгина Е. А. Роль языковой личности грамматистов XVI–XVIII вв. в развитии русской лингвистической науки. Саранск: Изд-во Мордовского ун-та, 2013. 84 с.
2. Викторова Е. Ю. О некоторых проявлениях диалогичности в русском научном дискурсе // Филология в XXI веке. 2019. № S1. С. 57–62.
3. Волков С. С. Трехязычный «Словарь языка М. В. Ломоносова» // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2012. № 3 (68). С. 98–106.
4. Гусейнов Г. Некоторые особенности риторической практики М. В. Ломоносова // Scando-Slavica. 1994. Т. 40. С. 88–112.
5. Данилевская Н. В. К вопросу об экспрессии в научном тексте // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2010. № 6 (12). С. 30–36.
6. Данилина Н. И. Прагматический компонент в научной речи XVIII века (на материале текстов М. В. Ломоносова) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45, № 7. С. 8–12. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.951
7. Патроева Н. В. Язык М. В. Ломоносова в зеркале писательских словарей // Вопросы лексикографии. 2022. № 23. С. 69–86. DOI: 10.1723/22274200/23/4
8. Риторика М. В. Ломоносова / П. Е. Бухаркин, С. С. Волков, А. А. Ветушко-Калевич и др.; Науч. ред. П. Е. Бухаркин, С. С. Волков, Е. М. Матвеев. СПб.: Нестор-История, 2017. 632 с.
9. Смирнова А. С. Полисемия русской и латинской лексики и ее представление в «Словаре языка М. В. Ломоносова» // Современные проблемы авторской лексикографии: Сб. науч. статей / Отв. ред. Л. Л. Шестакова. М.: Аквилон, 2018. С. 74–81.
10. Филиппов К. А., Волков С. С. М. В. Ломоносов и европейский научный дискурс XVIII века: Г. В. Лейбниц, Х. Вольф, И. К. Готтшед: Научный доклад. СПб.: СПбГУ. РИО. Филол. факультет, 2014. 60 с.
11. Филиппов К. А., Григорьева Л. Н. Немецкий язык в идиолекте М. В. Ломоносова // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. Т. 10. М.: Языки славянской культуры, 2013. С. 257–273.
12. Шабига И. Ю. Переводческие приемы М. В. Ломоносова при работе с научным латинским текстом // Вестник МГУ. Сер. 22. Теория перевода. 2011. № 4. С. 43–61.

Поступила в редакцию 07.08.2024; принята к публикации 02.12.2024

Natalia I. Danilina, Dr. Sc. (Philology), Associate Professor, Professor, Saratov State Medical University named after V. I. Razumovsky (Saratov, Russian Federation)
 ORCID 0000-0001-8804-2157; danilina_ni@mail.ru

RHETORICAL STRUCTURE OF MIKHAIL LOMONOSOV'S SCIENTIFIC LANGUAGE

Abstract. The article aims to analyze to what extent and for what purposes the theoretical propositions outlined in Mikhail Lomonosov's rhetorical works are applied in his natural science discourse. The material examined consists of essays written in the genre of "discourse". The relevance of this research lies in the text-oriented approach of contemporary studies of scientific discourse, while its novelty stems from the lack of prior research on Lomonosov's work from this perspective. It is shown that Lomonosov's choice of a specific genre was influenced by extralinguistic factors, since he was to deliver a speech at a formal public meeting of the Academy of Sciences. The rhetorical structure of these works is evident in both the composition (including a panegyric-style introduction and conclusion) and the use of lexical and syntactic rhetorical elements throughout the text. The main categories of rhetorical techniques identified include "decorations", "extension", and "questioning", with their functions being both merely rhetorical and supportive of contact with the audience. The overall conclusion drawn is that the rhetorical form used to present information in the context of a formal public speech did not conflict with the serious content of Lomonosov's work and was compatible with the scientific discourse of the XVIII century.

Key words: Mikhail Lomonosov, scientific discourse, rhetoric, "discourse" genre, academic language

For citation: Danilina, N. I. Rhetorical structure of Mikhail Lomonosov's scientific language. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2025;47(1):53–58. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1128

REFERENCES

1. Ariskina, O. L., Dryangina, E. A. The role of the linguistic personality of grammarians of the XVI–XVIII centuries in the development of Russian linguistic science. Saransk, 2013. 84 p. (In Russ.)
2. Viktorova, E. Yu. On the dialogue nature of Russian academic discourse. *Philology in the XXI Century*. 2019;S1:57–62. (In Russ.)
3. Volkov, S. S. Trilingual *Dictionary of the Language of Mikhail Lomonosov*. *Bulletin of the Russian Foundation for Humanities*. 2012;3(68):98–106. (In Russ.)
4. Guseynov, G. Some features of Mikhail Lomonosov's rhetorical practice. *Scando-Slavica*. 1994;40:88–112. (In Russ.)
5. Danilevskaya, N. V. On the problem of expression in scientific text. *Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*. 2010;6(12):30–36. (In Russ.)
6. Danilina, N. I. Pragmatic component in the eighteen-century language of science (based on Mikhail Lomonosov's texts). *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2023;45(7):8–12. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.951 (In Russ.)
7. Patroeva, N. V. Language of Mikhail Lomonosov in the mirror of writer's dictionaries. *Russian Journal of Lexicography*. 2022;23:69–86. DOI: 10.1723/22274200/23/4 (In Russ.)
8. Mikhail Lomonosov's rhetoric. (P. E. Bukharkin, S. S. Volkov, E. M. Matveev, Eds.). St. Petersburg, 2017. 632 p. (In Russ.)
9. Smirnova, A. S. Polysemy of Russian and Latin vocabulary and its representation in the *Dictionary of the Language of Mikhail Lomonosov. Modern problems of author's lexicography: Collection of articles*. (L. L. Shestakov, Ed.). Moscow, 2018. P. 74–81. (In Russ.)
10. Filippov, K. A., Volkov, S. S. Mikhail Lomonosov and the European scientific discourse of the XVIII century: Gottfried Leibniz, Christian Wolf, Johann Gottshed: Scientific report. St. Petersburg, 2014. 60 p. (In Russ.)
11. Filippov, K. A., Grigoryeva, L. N. The German language in the idiolect of Mikhail Lomonosov. *Russian Germanic Studies*. 2013;10:257–273. (In Russ.)
12. Shabaga, I. Yu. Scientific Latin text and translation techniques used by Mikhail Lomonosov. *Lomonosov Translation Studies Journal*. 2011;4:43–61. (In Russ.)

Received: 7 August 2024; accepted: 2 December 2024